

УДК 9. 908

Девятнадцатый век в истории России, как «звездный» век преподавателей в Московском университете

А.О. Чернышов

Студент, кафедра «Технологии сварки и диагностики»

МГТУ им. Н.Э. Баумана, г. Москва, Россия

Научный руководитель: Кунц Е. В., к.и.н.,

доцент кафедры «История» МГТУ им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Россия

МГТУ им. Н. Э. Баумана

htc-07@bk.ru

Безусловно, девятнадцатый век для Московского Университета выдался наиболее ярким, и освещался он молодым преподавательским составом, пришедшим в университет с новой философией. Лекции молодых профессоров славились среди студентов Московского университета и пользовались большим успехом.

Все мы помним и знаем героев Великой Отечественной войны, великих полководцев прошлых веков. Все это нам стало известно благодаря, пожалуй, одной из самых таинственных научных направлений в истории. Однако, мы забываем, что познание истории нуждается в огромном количестве самостоятельных исследований, ведь то, что нам предлагает министерство образования – лишь «мелкий фрагмент исторической картины».

В данной научной работе будет рассмотрен девятнадцатый век истории России. Казалось бы, как много всевозможных тем для исследования, но все они не раз рассматривались, в них давно была поставлена жирная точка, и единственное, что оставалось, - это увидеть что-то новое, или ,как минимум, не столь распространенное, но при этом крайне значимое.

Московский университет - «колыбель» гуманитарных наук и образования России. В начале 19 века, не отличавшийся от других высших учебных заведений ни уровнем знаний, ни их разнообразием.. Как справедливо отмечает замечательный современный историк Андрей Анатольевич Левандовский:

«Некоторые профессора выделялись из этой серой массы какими-то резкими чертами характера и в зависимости от них либо вызвали у своих слушателей ненависть, как, например, грубые, «зловредные» и несправедливые профессор права Малов, богослов Терновский, либо, как благодушный чудака Ивашковский, преподававший древнегреческий язык, или шутник, «буффон», латинист Снегирев, пользовались их снисходительной симпатией. Однако суть всех этих «служителей просвещения» была одина: их отличали бездарность и полное равнодушие к своему делу, в котором они видели лишь ремесло, дающее кусок хлеба насущного».

И все же, в университет прибыл целый «отряд» молодой профессуры, чему поспособствовал Сергей Семенович Уваров - русский государственный деятель (близкий по идеям к славянофилам), министр народного просвещения. Уваров посвятил свою жизнь осуществлению реформы народного просвещения на русских национальных началах. Он считал необходимым ввести в преподавание, имевшее прежде во многом космополитический характер, «дух русский под тройственным влиянием Православия, Самодержавия и Народности, возбуждая в умах уважение к Отечественной истории, к Отечественному языку, к Отечественным учреждениям». Он считал, что образование должно носить общественный характер, из него следует удалить частное воспитание и иноземных воспитателей.

Если взглянуть на молодую профессуру Московского университета, особенно выделяется известный историк, общественный деятель, профессор всеобщей истории в Московском университете, легендарный лектор - Тимофей Николаевич Грановский. Ребенок, родившийся в дворянской семье чиновника соляного управления в г. Орле, с раннего детства тянулся к знаниям. Поначалу его образование состояло из беспорядочного чтения всевозможных книг, затем последовало обучение в Московском пансионе доктора Ф.И. Кистера, далее - поступление в Петербургский университет на юридический факультет, и, наконец: поездка на стажировку в Берлинский университет, инициированная министром Уваровым.

Грановский был близким другом Николая Владимировича Станкевича, состоял в его кружке, где и впервые познакомился с философией Ф. Шеллинга. Позже, когда Тимофей Николаевич находился в Берлинском университете на стажировке, он близко познакомился с философией Георга Вильгельм - Фридриха Гегеля (ей он придерживался всю оставшуюся жизнь).

По возвращении Грановского в Москву, его уже ждало место на кафедре истории в Московском университете. Между тем первая показательная лекция, прочитанная Грановским в университете, была более чем неудачна. Сам Грановский описывал ее с юмором, хотя, наверное, этот провал стоил ему немало переживаний. Дебют происходил в большом актовом зале. На лекции, кроме двух с лишним сотен студентов, присутствовали коллеги-профессора и множество иных особ. Дебютант чувствовал себя прескверно: трусил ужасно, т.е. скороговоркой и почти шепотом пробормотал, что мог припомнить из написанного, через четверть часа раскланялся и

ушел.

Однако провал не смутил Грановского, он ясно ощущал свое призвание, и, стремясь воплотить его в жизнь, Грановский работал не покладая рук. Он стремился к тому, чтобы как можно скорее овладеть материалом, "понять историю в связи". "Еще года два, - писал он Станкевичу в феврале 1840г. - и я буду хозяином предмета; теперь он владеет мною, а не я им".

Он сознательно и целенаправленно вырабатывал свой стиль: "При изложении я имею в виду пока одно - самую большую простоту и естественность и избегаю всяких фраз. Даже тогда, когда рассказ, в самом деле, берет меня за душу, я стараюсь охладить себя и говорить по-прежнему". В то же время Грановский читал свой курс с полной отдачей - "...после всякой лекции я прихожу в решительное изнеможение" Эту самоотверженность лектора слушатели не могли не оценить по достоинству. Популярность Грановского росла с каждым днем, чтобы, в конце концов, стать устойчивой и не переходящей. Уже на первом году своей работы в университете он стал кумиром студентов. Каждая его лекция была событием:

... Четверть часа уже прошла после звонка. Вся аудитория в каком-то ожидании. Разговоры смолкли, все вышли на лестницу около аудитории.

"Будет ли?"- говорит один из студентов.

"Будет", - отвечает другой.

"Должно быть, не будет", - замечает третий, смотря на часы.

"Приехал!"- кричит снизу швейцар, как будто отвечая на нетерпеливое ожидание.

"Идет..." -и вся толпа двинулась в аудиторию, все спешат заполнять места.

Глубокая тишина воцарилась в зале". Началась лекция Грановского...

Грановский, сознательно отказывался от каких бы-то ни было внешних эффектов: голос его был слаб, он говорил очень тихо, требовал напряженного внимания, глотал слова..." Чем же завораживал молодой преподаватель студентов, заставляя их слушать себя, затаив дыхание? В чем была его "неотразимая притягательная сила"?

Так же как и все преподаватели-гегельянцы, Грановский стремился разбудить сознание молодежи, заставить ее думать, искать и затем направлять эти поиски в нужном направлении. Курс лекции Грановский начинал с того, что ставил перед своим слушателями вопросы, подобные тем, которые так сильно терзали его самого:

- что такое история?
- что может она дать каждому человеку в отдельности и всему человечеству в целом?
- зачем нужно ее изучать?

И вопросы эти, несмотря на кажущуюся их очевидность, знаменовали собой принципиально новый подход к преподаванию истории, к преподаванию вообще. С первых же слов Грановский давал студентам понять, что кошмар бессмысленной зубрежки рассеялся: он

предлагал им поразмыслить о сути истории - не заучить бездумно, а разобраться, понять, вникнуть. И, самое главное, начав со своими слушателями, казалось бы, профессиональный разговор, Грановский с помощью этих вопросов притягивал им самый кончик этой волшебной нити, которая, по твердому его убеждению, могла вывести из любого лабиринта.

Понимая, как нелегко российским студентам без специальной подготовки воспринимать философские основы его курса, Грановский отнюдь не сразу переходил к сути дела. Конечный ответ на вопросы, поставленные им самим, он предварял обзором исторического развития науки. К тому, что считал истинной, Грановский подводил своих слушателей постепенно, опровергая ошибочные и ложные концепции ученых прошлых веков. Действительно, для Грановского читать лекции значило жить, значило - быть счастливым!

Совершенно справедливо было общее мнение современников Грановского, считавших его "профессором по преимуществу": "Как ни превосходны его печатные творения, - писал слушатель Грановского Н. Дмитриев, - но они не могут стать на ряду с его лекциями: для Грановского тесны были пределы журнальной статьи или монографии; безбрежный простор мировой истории - вот что нужно было душе Грановского ... На кафедре он был не только ученый, но и поэт, и художник, и артист. Здесь по преимуществу было его творчество; здесь он жил своею духовной стороной; здесь высказывались его думы, сочувствия, убеждения".

Все молодые профессора-гегельянцы делали одно общее дело: они учили молодежь размышлять, искать внутреннюю логику в окружавших явлениях, вооружали мощным оружием диалектики. И эту, по меткому выражению Герцена, "тихую работу" они выполняли не просто добросовестно, а с исключительным талантом. Грановскому же суждено было стать самой яркой звездой в этом великолепном созвездии талантов.

Его коллегами были: философ - Иван Иванович Давыдов; русский историк, коллекционер, журналист, писатель, публицист, беллетрист, издатель - Михаил Петрович Погодин; русский правовед, историк философии - Петр Григорьевич Редкин; философ, историк и литературный критик - Дмитрий Львович Крюков.

Именно эти люди дали начало «революции» в образовании. Именно, благодаря им современная Россия стала такой, какой ее знаем мы.

Список литературы:

1. Галахов А. Д. Записки человека. М., 1999.
2. Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. М., 2003. Т. 4. Ч. 1.
3. Левандовский А.А. Время Грановского. М., 1990.

4. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостной к России капиталистической. М., 1984.
5. Московский университет в воспоминаниях современников. 1755 – 1917. М., 1989.